

Не уставать удивляться

*Моя жизнь
1988, 17 июля*

ТОТ САМЫЙ КАЛНИНЬШ

ИВАР Калниньш снимается хорошо и часто. Его ждут, на него идут, о нем хотят знать. Но — никаких симптомов «звездной» болезни: простота, даже старательно скрываемая застенчивость — вот впечатление после первых минут встречи, когда разговор еще только складывается.

— Популярность, успех — все это относится к моему делу. И если герой нравится, значит, работа удалась. Но я, к сожалению, не всегда делал то, о чем сам мечтал. А хочется многое сыграть.

— Но некоторые из ваших коллег не покидают экран, утверждая, что нужен постоянный тренинг. Такого рода тренинг приводит к опустошению и краху: некогда познать себя, мир, отдышаться, наконец. И начинаются повторы и топтания на месте...

— Постоянный тренинг актеру обязателен, но не на виду. К тому же наш прокат порой показывает то, что лично я никогда б не показал. Жаль, у нас отсутствует профессия менеджера, мецената, покровителя актера. Может, так во многом легче работать. Конечно, сразу возникнут другие проблемы: актер потеряет свободу, хотя ее и сейчас не так уж много.

— **Ивар, вы послушный актер, всегда выполняете все указания режиссера или пытаетесь настоять на своем?**

— Пытаюсь. Но отношения эти сложные и странные. А с актером надо, как с ребенком, и если режиссер уважает и любит актера, тот охотно примет покровительство, будет даже рад ему. Тогда режиссер может и ругать. Только хамства быть не должно.

— **Все чаще актеры уходят в режиссуру. Вы об этом не думаете?**

— Режиссура — другая профессия, другая стихия, иной тип мышления. Тут нужен совсем другой талант. Актер всегда будет мешать тебе снимать и наоборот. Но одну картину я бы сделал.

— **И о чем была бы единственная картина Ивара Калниньша?**

— Сразу трудно сказать. Наверное, о любви, о друзьях — о том, чего не хватает в жизни. Нежная была бы, думаю, картина, романтическая.

— **А как думаете, когда-нибудь мы ее увидим?**

— Не знаю. Знаю, как трудно пробивать. У одних на это годы ушли, другие долго себя искали. Не всем дано. По-настоящему хороших режиссеров не так-то много — Феллини, Тарковский...

— **Что скажете о новых формах в театре, о том, например, что делает в Москве Анатолий Васильев?**

— Это очень интересно, хотя я не все видел. По-моему, любой спектакль в любом театре должен быть экспериментом. Современному театру без студий, без малых трупп жить нельзя. Васильев, слышал, репетирует очень долго, я же люблю работать быстро.

— **Роман Балаян однажды сказал, что работу свою не любит, имея в виду мытарства, которые сопутствуют режиссуре. Не любит, но ничего другого делать не может, разве что путешествовать. Как объясните вы верность профессии?**

— Актерство — это неизлечимо, по-другому жить я бы уже не смог.

— **Как вы относитесь к одиночеству?**

— Положительно. Иногда оно просто необходимо. Однажды летом я пас скот. Вырезал из дерева ложки, дудки, строил шалаши от дождя. Мне было хорошо. Все собираюсь съездить поискать те места, может, что осталось... После трудного дня репетиций, спектаклей, съемок, концертов, когда энергия ушла, где восстановить ее? По-моему, только в лесу, у моря и в одиночестве.

— **Любите природу?**

— Люблю отдыхать в деревне, собирать грибы. Моя мама из многодетной семьи, поэтому у меня много двоюродных сестер и братьев. Каждый год все мы обязательно собираемся у кого-нибудь, дурачимся, как в детстве, до утра поем песни. Люди, которые сегодня собирают и исполняют народные песни, народную мудрость, совершают великое дело. А шумных дискотек я не люблю. Нас всех надо учить экологии еще со школьной скамьи, если не раньше. И тогда инженер не будет технократом, а у строителя рука не поднимется рубить сосну. Как-то один строитель, прокладчик тоннелей, так ответил на мои рассуждения в защиту природы: «Строить надо всегда». Понимаете — всегда! Ему не важно, что тут лес, река, гора, он все взорвет. Конечно, нужны и аэропорты, и космодром. Но почему слово «строить» становится синонимом слову «разрушать»? Нельзя же бесконечно брать и ничего не возвращать природе. Нашему театру имени Райниса выстроили новое здание, а рядом оставили всего одну березу. Через девять инстанций пришлось пройти, чтобы

добиться разрешения посадить там еще несколько кленов.

— **И чем кончилось?**

— Посадили. Но почему с таким трудом? В реках после строительства ГЭС не стало рыбы. Придумали собирать икру в какие-то ящики и переносить ее в реки. Но рыба туда не ходит, у нее своя дорога.

— **Как думаете, место женщины дома, у очага, или ей надо стремиться к успеху на службе, в науке, на сцене?**

— Нашей женщине очень трудно, особенно если она актриса. Думаю, по нагрузке это вообще не женская профессия. Чтобы помочь мамам, надо прежде всего уничтожить все очереди за чем бы то ни было.

— **Если ваши дочери решат пойти в актрисы, вы станете этому препятствовать, не захотите же для них столь трудной судьбы?**

— Я хочу им прежде всего интересной судьбы, и если девочки выберут эту, я им помогу.

— **Ивар, дома вы держите животных?**

— Нет. Не могу запирать их в квартире, детям не позволяю завести в неволе даже птичку. Для животных нужны деревенские условия. Там, в деревне, ведь совсем другая жизнь. Когда я приезжаю к родным и иду косить траву, такое чувство, будто оказался не в этом веке. Ощущаю себя унесенным на машине времени в прошлое.

— **А что вы читаете?**

— Люблю многих, разных и у каждого нахожу что-то для себя. Из русских — Пушкина, Некрасова, Фета, Соловьева, Цветаеву, Ахматову, Михаила Булгакова. Из латышских — Райниса, Блоуманиса. Из современников — Маркеса, Айтматова...

— **Были в вашей жизни периоды, когда вы читали запоем?**

— Когда учился на театральном факультете Латвийской государственной консерватории. Каждый день ездил в электричке, тогда и прочел почти всю классику. И сейчас, если не сплю, часто читаю в самолете.

— **Чтение, по-вашему, это отдых, уход от проблем или труд?**

— Все зависит от настроения и потребности. Иногда полезно почитать какую-нибудь ерунду или просто повалить дурака.

— **А что такое для вас чудо?**

— Когда все хорошо и есть чему удивляться.

Беседу вела
Елена КРАШЕНИННИКОВА.